

молоке и масле из плодов кедра, о материалах для разных изделий, сырье для промышленности химической, строительной и т. д. Тайга — жизненная среда, убежище для многообразной и богатой дикой фауны. Здесь «мягкое золото» страны — пушнина. И автор обстоятельно, с экскурсами в историю рассказывает, как разорялась тайга в прошлом и как в советское время восстанавливались ее фаунистические богатства. Но ведь тайга — это и фабрика кислорода, необходимого для жизни, так что значение тайги поистине планетарное. Много задушевных слов сказал писатель о любви к лесам, к дикой фауне, об охране природы, о бережливости в расходовании ее кладовых. На вопрос: сколько стоит забайкальская тайга? — Г. Граубин правильно отвечает: нет цены нашему лесу!

В книге есть, однако, неточные выражения и прямые ошибки. Допустимо ли, когда автор выжившие в борьбе за существование и развившиеся деревья называет убийцами (стр. 28)? Желая показать роль корневой системы, ее сложность, писатель приводит такой пример: «бывает, что корни одного растения ржи за сутки отрастают на пять километров, а общая длина всех корней нередко достигает шестисот километров» (стр. 24). Что это: опечатка или архигипербола? Хотелось бы думать, что опечатка. Каждый из нас хорошо знает, что такое кустик ржи на поле и каковы у этого растения корни. По-видимому, надо осторожнее обращаться с цифрами...

Немало интересных страниц в книге посвящено подземным богатствам края. Читатель узнает не только о золотом поясе Забайкалья, но и о других драгоценных поясах — оловянно-вольфрамовом, полиметаллическом, медном, о крупных залегах других руд, например, железной. А отдельную главу о разнообразных самоцветах Г. Граубин так и называет: «Турмалиновое солнце». Перед читателем блестят, сверкают, отливают разными цветами халцедоны, яшмы, аметисты, сердолики, агаты, гранаты. Кратко, но художественно убедительно и конкретно сказано о богатствах таежных недр, о минеральных источниках, озерах горячей воды и т. д. Действительно, щедрая земля, замечательная кладовая!..

А как образно говорит Г. Граубин о сухом, солнечном климате Забайкалья, о грозах и бурях, о циклонах и антициклонах! Воздушные течения «берут один другого хитростью», «воздух скатывается с гор, слюма голову», «капельки выпрыгивают из облаков, взявшись за руки, коллективно»...

Даже такое элементарное явление, как путешествие капли воды, известное по всем учебникам, описано — увлекательно. А в конце раздела о климате автор приводит опубликованные в разное время в печати грандиозные проекты и гипотезы по изменению климата земли и, в частности, северной Сибири: создание плотин в Беринговом проливе, чтоб заполнить северный полярный бассейн теплыми водами Гольфстрима, уве-

личение притока солнечной энергии на землю путем устройства кольца в атмосфере земли, подобно кольцу у Сатурна...

Книга Г. Граубина написана для школьников. Она, по сути, представляет собой добротное, основательное введение к тем многим произведениям, которые дети будут читать о природе. Она научит ребят любить, ценить, знать и оберегать родную природу. Впрочем, и взрослые прочтут ее с большой пользой и удовольствием.

Л. Баландин

„ЛЕГКОСТЬ РУКИ“

Эти слова Маяковского невольно пришли на память, когда я подряд прочел два романа: «Жажда» И. Шумилова¹ и «Судьбы людские...» Е. Осокина², до смешного похожие друг на друга и на десятки их родственников из самых различных областей литературы и искусства...

Напрасно автор вступительного слова к роману «Жажда» уверяет нас, что здесь речь будто бы пойдет о том, как «в героическом труде на целине очищались и закалялись характеры, отменялось то гнилое, порочное, что нашло резкое осуждение на XX съезде партии». Нет, роман И. Шумилова весь посвящен исследованию одного характера, одного образа — Игоря Ильича Махова, истории его взлетов и падений. А целинный совхоз и судьбы остальных персонажей — не более, как фон, который мог быть и иным.

Для читателя Игорь Ильич ясен от начала и до конца и определяется одним словом — карьерист. Сопутствующие и производные качества тоже, конечно, не менее ясны: беспринципность, очковтирательство, показуха, способность к предательству во имя своей эгоистичной цели. Но если все это так, то как же неубедительно выглядят все окружающие героя персонажи, не способные рассмотреть, что у человека чуть ли не на лбу написано: «тип отрицательный». Как же не доверяет читателю И. Шумилов, если начинает подробнейшим образом, шаг за шагом, прослеживать всю жизнь Игоря Ильича.

...Вот сын известного сибирского партизана Евсей поступил в институт и сменил свое имя на более, по его мнению, благозвучное — Игорь. С этого все и началось.

¹ Иван Шумилов. Жажда. Алтайское кн. изд., 1964.

² Евгений Осокин. Судьбы людские... Томское кн. изд., 1964.

Вместе с именем Махов потерял и благородство жизненных целей, и светлые идеалы отца, и способность быть элементарно честным. Удивительно? Но именно так произошло с героем И. Шумилова, иных мотивов внезапного его преобразования автор нам не дает. Факту изменения имени придается огромное, решающее значение. Как мы увидим, все дальнейшие поступки Игоря будут роковым образом предопределены. Самые различные, порой прямо противоположные обстоятельства отныне будут воздействовать на нашего героя только в одном направлении — на ризвитие в нем черт подлости, эгоизма, карьеризма и т. п. Тут уж ничего не поделаешь: попал в отрицательные герои — забудь, что ты человек и можешь хотя бы что-то делать по-людски.

Умер отец Игоря. Товарищи по институту «старались не оставлять его одного, часто бывали на квартире...» Парень посчитал, что заслужил такое внимание. Красивый, энергичный, он был избран секретарем комсомольской организации. Для нормального человека такое доверие коллектива могло бы принести немало доброго, полезного. Но для человека с измененным именем это повод для развития садистских начал характера: он только то и делал, что «продирал с песочком» своих товарищей, всегда настаивая на крайних мерах. И если такие меры принимались, «испытывал какой-то подъем сил, внутреннее удовлетворение».

Полубил Игорь, добился взаимности. Избранница оказалась наредкость цельной, глубокой натурой — опять плохо. Подлость развивается в Игоре помимо его воли. Арестовали отца любимой, Махову пригрозили неприятностями за связь с семьей «врага народа». Хотел, было, наш герой совершить хотя бы один честный поступок — пришел к Ае и предложил продолжить дружбу. Не повезло! Цельнометаллическая Ая уловила нотки колебания в голосе юноши и, несмотря на все свое горе и растерянность, тотчас заявила:

— Никаких встреч!

Только этого и надо было отрицательно-му типу. Он, убежденный в невиновности Анного отца, любящий и любимый, гордо зашагал прочь от ее дома с «мужественным чувством идейной победы»...

Однажды совсем было удалось Игорю Ильичу разорвать круг роковой предопределенности. Началась война, общий патристический подъем захватил и Махова. Он попал на фронт и даже совершил смелый поступок. При этом у него «распирало грудь, жутковатый и в то же время как будто счастливый трепет, восторженная дрожь прохватывали каждую частицу его тела...» Напрасно мы понадеялись — все человеческое чуждо Махову, из его восторженной дрожи могла родиться лишь новая пакость. С орденом на груди, изящно одетый, он появляется после легкого ранения в министерстве, быстро получает бронь, и здесь, на

новой работе, с новой силой разворачиваются садистские наклонности человека с чужим именем. Без конца выискивает Махов виновных, карает их своей властью, а когда ее не хватает, прибегает к помощи высших инстанций и к суду. Никакой веры в идеалы, никаких убеждений, кроме карьеристских: «Его никогда не покидала уверенность, что взлет еще впереди и что это будет высокий взлет...»

XX съезд партии, разоблачение культа личности, реабилитация тех, кого незаконно покарал в свое время Игорь, далеко назад отбросили его от заветных целей. Но он ничего не понял и ничему не научился. В новых условиях Махов продолжает рваться к карьере все теми же средствами.

И вновь на пути героя благодушные слепцы, беспечные горе-руководители. Ничемное изобретение Игоря Ильича они принимают за серьезную работу, садистское начало характера — за энергию и волю. «Лучшему работнику» поручают организацию крупного целинного совхоза с ассигнованиями в 20 миллионов рублей!

Первое дело, которое предпринял Махов на новом месте, — развил бурную деятельность по саморекламе. Показуха, шумиха, текучесть кадров, отсутствие реальных успехов совхоза не мешали никому, в том числе и областным руководителям, считать Игоря Ильича образцовым директором, ставить его в пример другим.

На областном совещании работников сельского хозяйства Махов, поймав одобрительный взгляд секретаря обкома, с потолка называет высокую цифру обязательств по выращиванию свеклы и тотчас заслуживает одобрение присутствующих, в том числе и секретаря обкома, вполне положительного деятеля, как рисует нам его автор.

Список слепшей и глухов, окружающих Махова, на этом не кончается. Вот приезжает в совхоз новый парторг Белов и отправляется вместе с Игорем Ильичем на ферму. Махов во всем блеске демонстрирует перед приезжим свои методы руководства. Обнаружив нехватку обрат, безапелляционно заявляет:

— Жулики! По себе (?) растаскивают!

Произнеся столь краткую, но выразительную речь, Махов в один миг находит виновников. Причем, делает это «с торжеством», хотя торжествовать вроде бы и не с чего — вряд ли приятно руководителю хозяйства обнаружить у себя воров. Но самое поразительное впереди: глядя на расправу, учиненную директором, парторг «улыбался, восхищался Маховым»...

Все это странно, — скажете вы, — что это за всеобщее, необъяснимое ослепление? Не нужно удивляться — автор решил показать культ личности в миниатюре и стремится к своей цели напролом, не обращая внимания на такие «мелочи», как логика поведения и элементарное чувство правды.

Разоблачение Махова происходит, как и полагается в произведениях подобного рода, одним махом — решением секретаря обкома,

того самого, который в начале романа одобрительно похваливал прожектора. Но как же быть с «низовыми кадрами», где роль масс, роль рядовых коммунистов? Не беспокойтесь — у И. Шумилова все предусмотрено: с Маховым «воюют». Главный агроном совхоза Петров безропотно оставляет должность, не согласившись с завышенным планом посева свеклы; выкрикивает пьяные угрозы бригадир Ведерников, послушно оставаясь после своей выходки поле брани; пытается возражать механик Черемных; что-то копает потихоньку парторг Белов. Главный противник Махова секретарь райкома Чернаков «под занавес» высказывает заветные мысли автора:

— Стремление к почету, к власти, к высокому положению — это почти болезнь... Вроде алкоголизма... Да, освобождение от старых наростов идет с болью, с кровью. Надо помнить, что это не вина Махова, это его беда.

Подытоживая главную мысль автора, мы приходим к следующим поразительным выводам: а) жажда славы (культ личности) это болезнь, по своей клинической картине напоминающая алкоголизм; б) развивается эта болезнь роковым образом, вне зависимости от воздействия окружающих — самые противоречивые обстоятельства не способны ни остановить, ни предотвратить ее.

Заключительная сцена романа блистательно подтверждает мысль И. Шумилова. Большой, потерпевший фиаско Махов, повинувшись искреннему порыву, собирается соединить судьбу с любимой женщиной, порвав с нелюбимой женой.

Но он не может сделать и этого, потому что опасается, — а как это скажется на его карьере? Он вновь во власти одной мечты — взлететь повыше.

Обратимся к другому, не менее поучительному произведению последних лет — к роману Е. Осокина «Судьбы людские...» с подзаголовком — «Апулькины».

...Председатель облизполкома, слушая выступление председателя райисполкома, почему-то пожал плечами.

«Не туда мы гнем», — так понял этот жест заместитель председателя райисполкома Апулькин и попросил слова.

— Обязательства района явно занижены, товарищи! — под аплодисменты зала воскликнул Апулькин. — Мы можем дать Родине значительно больше и мяса, и масла, и много другого!

«Скромнее и, видно, напорист, деловая хватка есть. И самокритичен... Местные условия знает...» — так размышлял председатель облизполкома, и Апулькина пересаживают в кресло «хозяина района».

Удивляет не то, с каким легкомыслием было принято столь ответственное решение — мало ли глотоватяжских решений встречается в жизни? Поражает, что весь гнев автора, вся страсть избалованного направлена на ничтожного карьериста и очковтира-

теля Апулькина и никак не задевают незадачливых горе-руководителей области.

И вновь мы становимся свидетелями психологического эссе — истории карьериста, похлопца, беспринципного делеги, истории с заранее предreshенным концом.

Адам Лукич Апулькин, в отличие от Махова, имеет гнилые корни: его отец всю жизнь стремился к обогащению и не стал кулаком только по несчастному стечению обстоятельств. Сын, таким образом, с детства впитал жажду власти, почета.

Параллельно исследуя два характера — отца и сына, автор показывает, как гибнет, не получая благоприятной почвы в советской действительности, мелкий жулик-отец и как рушится карьера более крупного спекулянта, политического жулика — сына.

Что касается отца, то здесь автору удается вполне логично, по всем многократно проверенным канонам раскрыть характер деревенского лавочника, подкулачника, попытавшегося в период изпа темной аферой выйти в «люди» и потерпевшего неудачу. Совершенно естественно Апулькин-старший всем ходом событий вытесняется из жизни, вынужден покинуть колхоз и заняться мелкой спекуляцией. Жалкий, всеми покинутый (в том числе и собственным сыном), он умирает с пачкой денег, привязанных к животу.

Для того, чтобы показать историю возвышения и краха Адама Лукича, человека, воплотившего в себе культовую идеологию, автору нужно было либо смело идти нехоженной тропой, либо прибегнуть к известным образцам. Е. Осокин избрал последнее.

Мы уже рассказывали про эпизод с назначением Адама Лукича на должность председателя райисполкома. Уже здесь достаточно отчетливо видно, что перед нами человек беспринципный, действующий по лакейской присказке «чего изволите?» Уже из этой сценки легко понять, что перед нами махровый очковтиратель, готовый ради одобрительной улыбки начальства назвать любую цифру обязательств.

Таким Адам Лукич вступает в роман, таким остается на всем его протяжении. В характере нет даже того рокового усиления порочных начал, как это было у Махова. Персонаж, подобный Апулькину, в большом романе (и в жизни) может претейдывать только на эпизодическую роль. Но автор уделяет ему непропорционально большое место, завязывает вокруг своего Адама Лукича цепь событий, сталкивает его почти со всеми героями книги. И что же? Вновь, как и в «Жажде», перед нами, «помнимо» воли автора, возникает галерея слепцов, хлюпиков, разыгрывается очередная партия «в поддавки».

Председатель колхоза, старый коммунист Пахтачев, судя по авторской характеристике, человек с крепкой революционной завкаской, услышав требования Апулькина сдать сверх плана семенной фонд, мнетя:

«— Разве дело — сдавать семена, а весной опять же просить у государства?»

Апулькин рубанул по столу кулаком, вскочил.

— И это говорит коммунист?!»

Убеденный такой исчерпывающей аргументацией, Пахтачев мямлит:

«— Ну что ж... Пусть решает общее собрание...»

«...Не хотелось Пахтачеву снова идти на конфликт с председателем райисполкома» И «честный» Пахтачев идет на сделку с совестью, обманывает колхозников, заверяя, что сдает излишки.

Затем, когда афера раскрывается, когда начинается расследование дела, Пахтачев трогательно расстается с партбилетом, ничем не выдав, что действовал по указке и под нажимом Апулькина. Для чего это делает старый коммунист? Только для одной цели — чтобы Адам Лукич смог еще некоторое время шествовать по страницам романа.

Читая роман Е. Осокина, читатель может сделать любопытное наблюдение: как умудрился автор лишить центральный персонаж не только всех положительных, но и всех человеческих качеств? Е. Осокин убедительно доказал, что это возможно.

Адам Лукич в отношениях с другом детства Майоровым — наглец и самодур; изменяет жене; с любовницей — труслив; с отцом — жесток. Каждое распоряжение председателя райисполкома, подчеркиваю, каждое — порочно. В таежных районах, где много рыбы, дичи, ягод, пушнины, он насаждает зерновое хозяйство; в земледелии он сторонник ошибочных идей академика Вильямса о травополе; он противник специализации, за многоотраслевое хозяйство, хотя всем очевидно, что оно нерентабельно; он за сверххранний сев, хотя земля не готова и семена гибнут; он против развернутой химизации сельского хозяйства, против развития очень доходной в тех местах лесохимии... Каждый шаг, каждое распоряжение Адама Лукича — ошибка, зажим инициативы, попытка самовозвеличивания, очковительство. Иных поступков этому руководителю района не дано, иных чувств, кроме подлых, этот человек не ведает.

Апулькин — собирательный образ, — возразит мне автор. Адам Лукич вобрал в себя все отрицательные черты руководителя времен культа.

Наверное, подобное же возражение скажет и автор «Жажды».

Что же ответить им? Да, действительно, все отрицательные черты руководства сельским хозяйством взяты из жизни, ни в одном, отдельно взятом случае авторы не поступились правдой. Неправда — в нарушении логики поступков, в нарушении элементарных законов общения, законов ансамбля (говоря терминами театра). Но даже если бы соблюдены были эти первейшие условия жизненной правды, все равно избранный И. Шумиловым и Е. Осокиным принцип —

совместить в одном лице все пороки времени — не уберег бы их от нестерпимой фальши. Чтобы не повторять известнейших истин по поводу проявления в искусстве и литературе общего через конкретное, приведу лишь некоторые факты удивительных совпадений. Прочтут писатели эту «сравнительную таблицу» и, наверное, сами станут сомневаться — уж не заглядывал ли кто-нибудь из них другому через плечо.

Вот наша «сравнительная таблица».

Махов. Следя за выражением лица секретаря обкома, с потолка называет высокие цифры обязательств и выдвигается.

Апулькин. Заглядывая в лицо председателя облисполкома, берет завышенные обязательства и выдвигается.

Махов. Вступает в конфликт с секретарем райкома Чернаковым, персонажем бездейственным.

Апулькин. Вступает в конфликт с секретарем райкома Жеравиным, личностью не менее бездейственной.

Махов. Снимает с работы хорошего молодого агронома Петрова.

Апулькин. Изгоняет из аппарата хорошего молодого агронома Ахмета Ахметова.

Махов. Опирается на подхалима Ванюнина.

Апулькин. Опирается на подхалима с не менее красочной фамилией — Подлипаев.

Махов. Не любит и готов бросить жену Елену.

Апулькин. Не любит и бросает жену Анну.

Махов. Труслив в отношениях с любовницей Зориной.

Апулькин. Труслив в отношениях с любовницей Дуней.

Махов. Организует нужные ему выступления в печати. Все безропотно выполняют его задания.

Апулькин. Командует безропотным редактором местной газеты.

Список удивительных совпадений можно продолжить, но не для того, чтобы уличить одного из авторов в плагиате: еще одно совпадение — даты издания романов — исключает возможность такого подозрения. Однако появление двух романов-близнецов, двух центральных их героев, до смешного копирующих друг друга, со всей очевидностью доказывает, что и Е. Осокин, и И. Шумилов создавали свои произведения по методу, применительному скорее в технике, чем в литературе, — на основе готовой схемы.

Так мстит за себя пренебрежение к основным требованиям художественности. Попытавшись разоблачить последствия культа личности в сознании людей, авторы обоих романов в своей односторонней тенденциозности нарисовали чудовищную картину всеобщего ослепления и оглушения...